

Пакет со снеками выскользнул из рук и упал на пол, орехи с шумом раскатились во все стороны.

И Цяньвань ощутил спиной внезапную пустоту — Гу Вэй бесследно исчез.

Кто-то испуганно вскрикнул.

Все резко обернулись: Цзяо Лю, ведущий викторины, тоже испарился.

Чжуан Чжуан шлёпнулся на пол. Забыв о страхе, он мёртвой хваткой вцепился в рукав И Цяньваня и снизу вверх уставился на него:

— Что значит «вывод из состава»? Они... они умрут?

Остальные застыли в ужасе, переводя дыхание.

— Какая вообще разница между «замещением» и «выводом из состава»? — едва слышно прошелестел Чжуан Чжуан.

И Цяньвань высвободил рукав и бросил на него короткий взгляд.

— Буквальная, — холодно обронил Киноимператор. — «Замещение» означает, что под чьей-то личиной среди вас уже давно скрывается чужак.

В толпе повисла гробовая тишина.

Все принялись затравленно переглядываться. Отныне любая, даже самая незначительная мелочь могла в секунду разрушить хрупкую видимость согласия.

— А «вывод из состава»? — выдохнул кто-то.

Все уставились на И Цяньваня.

— Чтобы выбраться оттуда, им придётся очень постараться, — ответил Киноимператор.

— О господи, пусть они вернуться... Мы же без них пропадём! — пожилая актриса судорожно сложила ладони у груди, молясь о спасении.

Убедившись, что Гу Вэй действительно исчез, Чжун Лю наконец осмелился подойти к И Цяньваню. И первой же фразой восстановил против себя всех присутствующих.

— Знал бы, что его выведут из состава, завязал бы ему глаза, — проворчал Чжун Лю.

Из-за Гу Вэя его золотые монеты продолжали утекать. Баланс уже давно ушёл в глубокий минус!

На него уставились с нескрываемым презрением.

Чжуан Чжуан вскочил на ноги, задыхаясь от ярости:

— В тебе хоть капля человечности осталась?!

Обвинение прозвучало жестоко. Но здесь, внутри системы, каждый цеплялся за жизнь как мог. Перед лицом смерти глупо было требовать от людей самоотверженности.

Чжун Лю с налившимися кровью глазами ткнул Чжуан Чжуану в лицо своё предплечье, демонстрируя узор:

— Видишь?! Они сыплются без остановки! Пока я говорю с вами, они тают ещё быстрее, потому что я выдаю скрытую информацию! Когда баланс обнулится, а я так и не пройду уровень, я останусь здесь навсегда! Будешь на моём месте — посмотрим, как ты запоешь!

Повисла тяжёлая пауза. Ху Ханьсань неловко кашлянул. Остальные поспешно отвели глаза.

— Я своими глазами видел, как Гу Вэй с завязанными глазами проходил под-уровень в «Мире в зеркале», — уже тише буркнул Чжун Лю. — Насчёт ведущего не знаю, но Гу Вэй точно выберется.

Чжун Лю подсознательно чувствовал, что Гу Вэй отличается от них — обычных игроков, безвольно плывущих по течению. Слова, которые тот бросил в «Мире в зеркале», до сих пор эхом отзывались в его памяти. Тогда Чжун Лю искренне поверил: если кто-то и способен разнести к чертям эту проклятую систему, то только этот раздолбай. Пусть даже с виду он казался совершенно легкомысленным.

Никто не стал ему отвечать. Игроки могли не признаваться в этом даже самим себе, но именно на Гу Вэя они возлагали все свои надежды. И входить в положение Чжун Лю никто не собирался. Его не трогали лишь потому, что рядом стоял И Цяньвань. Но это было лишь временное затишье.

Камера, вдоволь налюбовавшись драмой, со скрипом повернула объектив и заговорила металлическим голосом:

[Пожалуйста, продолжайте раскрывать взаимоотношения четырёх главных персонажей]

[Если через три часа прогресса не будет, трое актёров будут выведены из состава!]

Вот же сука! Система сжимала тиски, не давая даже перевести дух.

Среди актёров поднялся ропот. Исчезновение Гу Вэя и ведущего взвинтило нервы присутствующих до предела.

— Плевать, что там дальше! — яростно рявкнул актёр со сломанной рукой, который до этого момента тихо сидел в углу и не привлекал внимания. Теперь он с перекошенным лицом указывал пальцем на молодую певицу: — Сначала мы вышвырнем ту тварь, что притворяется «главной героиней»! Это ты!

Певица округлила глаза и отчаянно замотала головой.

— Ты дважды помешала нам выбрать правильный ответ! — наседал калека. — Ты и есть та засланная шпионка, Чжоу Чжоу!

— Нет, нет, это не я! — разрыдалась девушка, пятясь назад. — Что вы творите?!

Она в панике оглядела толпу, ища поддержки:

— Да неужели никто из вас не думал точно так же, когда давали те ответы?! Вы просто трусливо промолчали, а я озвучила наши общие мысли! И теперь во всём виновата я?!

Певица была ещё совсем девчонкой. В реальном мире от нападок хейтеров её всегда защищало агентство, но здесь, оказавшись один на один с разъярённой толпой, она совершенно растерялась. Тушь потекла, размазываясь по щекам.

— Это правда не я! — лепетала она, заламывая руки. Вдруг вспомнив что-то, она бросилась к пожилой актрисе: — Скажите им! Вы ведь думали точно так же! Правда ведь?!

Та сочувственно вздохнула и уже приоткрыла рот, собираясь заступиться, но однорукий актёр не дал ей вставить ни слова.

— Не слушайте её! — взревел он, распаляя толпу. — Выбросим её к чертям, если хотим выжить!

Напряжение достигло пика, готовое вылиться в кровавую бойню, как вдруг — бам!

Тяжёлая кувалда с грохотом обрушилась на медицинскую каталку. Металл жалобно звякнул, и каркас разлетелся пополам.

Все застыли как вкопанные.

Ху Ханьсань, поигрывая литыми мускулами, шагнул вперёд и указал огромным пальцем на искореженную сталь:

— Пока эти двое не вернутся, любой, кто попытается устроить здесь самосуд, будет иметь дело со мной и моей крошкой.

Ху Ханьсань со своей медвежьей фигурой высился посреди коридора неборимой скалой. С таким громилой шутки были плохи. Даже без кувалды в руках он легко переломал бы хребет любому из присутствующих.

Молчаливый Чжуан Чжуан тут же перебежал и встал за его широкую спину. Хныкающая певица, утирая слёзы, поспешила следом. За ней потянулась пожилая актриса, а затем — и остальные.

Однорукий сплюнул, тихо выругался и, поджав хвост, поплёлся в самый дальний угол, где уселся на корточки, привалившись к стене.

Все снова принялись за поиски, обыскивая каждый сантиметр коридора.

Кто-то подобрал оброненный ведущим дневник. Перелистав несколько страниц, этот человек удивленно воскликнул:

— Глядите! Здесь проступили новые записи!

На чистых страницах дневника главной героини, Чжоу Чжоу, проступили чернила.

— Они что, только что появились?

— Неважно. Читай, что там написано, — скомандовал Ху Ханьсань.

Пожилая актриса взяла тетрадь и выразительно зачитала:

«Матушка вырастила меня в одиночку. Я не успела отплатить ей за её заботу, а теперь из-за меня ей приходится выслушивать эту грязь.

Я виновна!

Она всю жизнь была гордой и не терпела сплетен за спиной. Но на закате дней именно я навлекла на неё позор и косые взгляды.

Я виновна!

Нет большего греха, чем не оправдать надежд матери и не вернуть ей долг дочерней почтительности.

Прости меня, мама! Твоя дочь вернёт тебе покой и чистое имя!»

Страница была сплошь покрыта засохшими разводами от слёз. Пожилая актриса, слишком глубоко вжившись в роль, закончила читать с дрожью в голосе, а сама прослезилась.

И Цяньвань по-прежнему стоял поодаль. Во время недавней потасовки его лицо оставалось бесстрастным, но сейчас он едва заметно нахмурился.

Всхлипывания актрисы растрогали остальных женщин — они тихонько зашмыгали носами. Но плакали они не по несчастной Чжоу Чжоу, а от жалости к самим себе и ужаса перед безысходностью их собственного положения.

Чжуан Чжуан, внимательно вслушивавшийся в каждое слово, прервал затянувшееся молчание:

— Получается, эта старуха — мать Чжоу Чжоу?

Его вопрос вырвал присутствующих из пучины уныния.

— Если старуха — мать Чжоу Чжоу, и в то же время мать Цяо Луи...

— Значит, они брат и сестра? — подхватил кто-то из толпы.

— Ого! Похоже, мы наконец-то нащупали нить! — обрадовался молодой парень.

Это действительно был первый весомый зацеп. Напряжение, висевшее над головами игроков, немного спало.

Но радоваться было рано. Пожилая актриса перевернула страницу и наткнулась на ещё одну запись. Сглотнув, она продолжила чтение:

«Цяо Луи — конченный ублюдок!

Бай Ли — сумасшедшая тварь!

Оба они заплатят за то, что сделали! Ни один не уйдёт безнаказанным!

Раз уж тебе так нравится подглядывать, я вырву твои поганые зенки!

Раз уж тебе так нравится разносить грязные слухи, я отрежу твой длинный язык!»

От ярости, сочившейся из этих строк, по спинам присутствующих пробежал холодок.

Все невольно повернули головы в сторону Цяо Луи, который всё так же неподвижно сидел возле кровати старухи. Глазницы этого NPC были абсолютно чёрными и пустыми. А погибшая Бай Ли... у неё действительно не было языка.

— Значит... Чжоу Чжоу действительно сделала это с ними? — прошептал Чжуан Чжуан. — Но ради чего? Что заставило её пойти на такую жестокость?

— Нет, тут что-то не сходится, — Ху Ханьсань задумчиво потёр заросший щетиной подбородок. — Старуха не может быть матерью обоим.

В отсутствие Гу Вэя и Цзяо Лю ему и Чжуан Чжуану пришлось взять на себя роль стратегов.

— Смотрите: Чжоу Чжоу лишила Цяо Луи глаз за то, что тот подглядывал за ней. Но стал бы родной брат шпионить за сестрой? Вряд ли. Из этого следует, что старуха приходится матерью только одному из них.

— С чего ты взял, что брат не мог подглядывать за сестрой? — подал голос однорукий актёр из своего угла.

Ху Ханьсань поперхнулся воздухом:

—...

— Сразу видно, что у тебя нет ни братьев, ни сестёр, — отрезал Чжуан Чжуан. — Если бы они были родными, зачем ему прятаться и шпионить втихомолку?

Однорукий лишь скептически усмехнулся, мысленно подивившись его наивности.

— Ладно, умники. Так чья же она мать на самом деле? — буркнул он.

И это был самый сложный вопрос.

Цяо Луи самолично утверждал, что старуха — его мать. Система подтверждала, что эта женщина — ключевой для него человек. Но в дневнике Чжоу Чжоу чёрным по белому было написано то же самое!

Анализ вновь зашёл в тупик.

— Читай дальше, — хмуро бросил Ху Ханьсань.

Актриса пролистала дневник до конца, но там не было больше ни строчки. Вторая тетрадь по-прежнему оставалась залита непроглядной чернотой.

Накатившее чувство бессилия порождало панику.

— Если мы не разгадаем эту шараду, через три часа нас станет на троих меньше.

— А через три часа исчезнут ещё трое...

И так до тех пор, пока здесь вообще никого не останется.

Чжун Лю украдкой глянул на И Цяньваня. Киноимператор стоял, скрестив руки на груди, не шелохнувшись.

Так вот в чём заключался истинный кошмар «Центральной больницы».

Впрочем, Чжун Лю всё ещё недооценивал систему. Разве это кошмар? Это была лишь разминка.

Пока несчастные звёзды ломали головы над загадкой, под сводами коридора снова раздался леденящий душу голос Чжоу Чжоу:

— Мой уровень — мои правила. Как хозяйка уровня, я запрашиваю открытие скрытой ставки!

Актёры испуганно сжались в плотную группу, прикрывая друг другу спины и затравленно озираясь по сторонам.

Камера приподняла объектив, словно кивая:

[Заявка одобрена]

В чарующем, порочном голосе Чжоу Чжоу зазвучали весёлые нотки:

— С этой секунды ваши жизни зависят от удачи. Выиграете — будете жить. Проиграете — умрёте!

Шансы пятьдесят на пятьдесят. Ничего более жуткого и представить себе было нельзя.

— На что ставить?! — крикнул Ху Ханьсань, сжав кулаки.

Со скрежетом металлическая стена разъехалась, обнажив гигантский экран. Тот моргнул чернотой, а затем из динамиков донеслись голоса:

— Что это ещё за дыра? — спросил один.

— Сам же сказал: дыра, — лениво отозвался второй.

Услышав этот невыносимо сонный, расслабленный тон, игроки почувствовали, как тиски страха на мгновение ослабили хватку. Все без труда узнали голоса выведенных из состава Гу Вэя и Цзяо Лю.

Голос Чжоу Чжоу сладко пропел:

— Ставьте на то, кто из них выберется живым — Гу Вэй или Цзяо Лю.

В коридоре воцарился мертвенный шок.

Но на этом хозяйка уровня останавливаться не собиралась. Словно издеваясь над их отчаянием, она добавила:

— И конечно же, ради своей победы вы можете использовать любые, даже самые грязные методы!

<http://bllate.org/book/18225/1752705>